

домъ, забывъ, что *всѣ* вѣрующіе *отвѣтственны* за происходящее въ церкви, ополчались на нихъ, въ ожесточеніи покидая самую ограду церковную, наши пастыри и архипастыри безропотно несли свой тяжкій крестъ.

Только глубокое смиреніе и вѣра въ наступленіе лучшаго времени давали имъ, какъ евангельскому разслабленному, силу переносить тяжелыя страданія.

И вотъ нынѣ, какъ бы въ отвѣтъ на эти вопли и страданія, внезапный порывъ революціи разорвалъ тяжелыя тучи, нависшія надъ страной и церковію. Влеснуло радостное солнышко свободы. Полный любви голосъ Провидѣнія вмѣстѣ со звономъ пасхальныхъ колоколовъ ласково прозвучалъ по всей русской землѣ: „хочешь ли быть здоровымъ,“?

„Такъ, Господи!“ отвѣтимъ ему: „Помоги же намъ выйти изъ тяжелыхъ оковъ разслабленія! Помоги очиститься отъ грѣховъ и найти въ себѣ силу стать въ будущемъ на стражѣ завѣтовъ Христа о царствѣ Божіемъ!“

Первое, въ чемъ мы нуждаемся, это объединить свои силы и сознать свои задачи; не будемъ же смущаться слабостью своихъ силъ, а будемъ помнить, что „сила Божія въ немощи совершается“.

К. Перевозниковъ.

Свобода совѣсти и вѣроисповѣданія.

Свобода совѣсти, вѣроисповѣданія вытекаетъ изъ акта признанія за человѣкомъ свободы личности. Высшимъ, неотъемлемымъ благомъ всякаго человѣка, какъ мыслящаго существа есть свобода самоопредѣленія, право свободного составленія себѣ тѣхъ или иныхъ убѣжденій относительно религіи, бытія Божія и другихъ религіозныхъ вопросовъ, а это приводитъ къ свободѣ мысли вообще. Нельзя ставить человѣческой мысли заставъ, рогатокъ съ надписями: „до сихъ поръ, но не далѣе“⁶⁶. Стремленіе человѣка къ познанію истины не можетъ быть подавлено, стѣснено или уничтожено. Можно, конечно, Галилея посадить въ тюрьму, но „земля всетаки движется“. Нельзя сказать, чтобы эти непреложныя истины достались человѣчеству легко; нѣтъ, какъ и всѣ другіе свобо-

ды, онѣ явились послѣ ожесточеннѣйшей борьбы, борьбы съ напряженіемъ всѣхъ силъ, съ величайшими жертвами и страданіями. Строго говоря, вопросъ о свободѣ вѣроисповѣданія въ Европѣ былъ поставленъ со временъ Реформаціи. Но и здѣсь вопросъ разрѣшался въ смыслѣ свободы культа безъ права пронаганды. Другими словами; — допускалась только терпимость къ другимъ вѣрамъ и это было только въ протестантскихъ странахъ въ XVII и XVIII вѣкахъ. Въ католическихъ же странахъ, не исключая и Франціи, въ теченіи ста лѣтъ съ отмѣны нантскаго эдикта до великой революціи протестанты (гугеноты и др.) во Франціи подвергались самымъ жестокимъ и безсмысленнымъ гоненіямъ. Протестантскіе пасторы подвергались смертной казни за публичное отправленіе своего богослуженія, религіозныя собранія протестантовъ разгонялись ружейными залпами. И только палетѣвнѣй вихрь революціи положилъ предѣлъ фанатизму католиковъ. Ст. 10 деклараціи правъ 1789 г. объявляетъ, что никто не можетъ подвергаться преслѣдованію или какому-либо стѣсненію за свои религіозныя убѣжденія. Этотъ-то принципъ и легъ въ основу законодательства о религіи большинства европейскихъ народовъ. Что же касается нашей матушки „Святой Руси“, то вопроса о свободѣ вѣроисповѣданія, равно какъ и о всякихъ другихъ свободахъ, до разгрома насъ Японіей, совершенно не было. За крѣпкой стѣной всевозможныхъ статей уложенія о наказаніяхъ „за соращеніе“ „отвлеченіе отъ православной вѣры“, „вѣроотступничество“ и др. мы мирно спали, твердо зная, что наша вѣра русская, а другія вѣры только терпимы начальствомъ по его великодушію и кротости, но въ сущности легко могутъ быть прекращены и пресѣчены въ корнѣ.

И только 23 апрѣля 1906 г. въ основныхъ законахъ появляется ст. 39: „Россійскіе подданные пользуются свободою вѣры. Условія пользованія этою свободою опредѣляются закономъ“.

Такимъ образомъ гсворить серьезно объ относительной въ Россіи вѣротерпимости можно лишь съ указа отъ 17 апрѣля 1905 г., коимъ устанавливается относительная свобода перехода изъ православія въ другое христіанское исповѣданіе, что раньше отнюдь не допускалось нашими законами, но о возможности перехода православнаго въ нехристіанское (магометанство и др.) исповѣданіе, или объявленія себя не принадлежащимъ къ какой-либо опредѣленной религіи совершенно не допускалось и такія лица подвергались всевозможнымъ ограниченіямъ

какъ въ гражданскихъ, такъ и въ семейныхъ правахъ. При этомъ необходимо обратить вниманіе на слѣдующее. Въ Россійскомъ государствѣ православная церковь по существу дѣла была совершенно подчинена свѣтской власти и до послѣднихъ дней она являлась послушнымъ орудіемъ въ рукахъ правительства. Такое унижительное, приниженное положеніе, вопреки всѣмъ каноническимъ правиламъ, было создано церковной политикой всего императорскаго петроградскаго періода, начиная съ Петра I-го, который уничтожилъ вселенность церкви, уничтожилъ патріаршество и контролеромъ надъ всѣми іерархами поставилъ обер-прокурора изъ офицеровъ, а самого себя поставилъ фактической главою всей православной церкви. Такое подвластное и недостойное положеніе господствующей церкви, естественно подорвало ея авторитетъ въ глазахъ большей части населенія и немало способствовало развитію сектантства. Все это вмѣстѣ взятое создавало крайне удушливую атмосферу умственного и нравственного застоя, искусственной задержки въ развитіи народной жизни и народнаго сознанія... Мы принимаемъ тяжелое наслѣдство отъ стараго режима, въ которомъ мы и должны распутаться т. е. вывести св. церковь изъ ненормальнаго ея положенія и поставить ее на подобающую высоту, какъ выразительницу и истолковательницу истинныхъ завѣтовъ Христа.

Современное государство, въ противоположность старому полицейскому режиму, надѣляетъ одинаковыми гражданскими и политическими правами членовъ всевозможныхъ религіозныхъ обществъ и толковъ. Государство оказываетъ одинаковое покровительство всѣмъ или по крайней мѣрѣ главнѣйшимъ вѣроисповѣданіямъ и тщательно устраняетъ религіозныя различія по всѣмъ вопросамъ гражданского и политическаго права. При свободѣ совѣсти, никакое общество религіозное или анти-религіозное не можетъ стѣснять въ чемъ бы то ни было свободу другихъ религіозныхъ обществъ. Если бы, предположимъ, въ какомъ либо европейскомъ государствѣ, въ будущемъ принципъ безвѣрія былъ бы открыто принятъ государствомъ или большинствомъ населенія, то все-таки это не давало бы ему права стѣснять свободу вѣроисповѣданія лицъ, оставшихся вѣрными той или другой религіи. Никакія соображенія о „заблужденіи“, о „суевѣріи“ и т. п. не могли бы оправдать политику религіознаго притѣсненія; принципъ свободы совѣсти въ томъ и состоитъ, чтобы никогда и ни подъ какими предлогами не примѣнять ни

малѣйшаго насилія въ вопросахъ религіи, не только грубаго, матеріальнаго насилія, но даже насилія нравственнаго въ смыслѣ насмѣшекъ, явнаго глумленія и высокомернаго издѣвательства надъ членами того или иного религіознаго исповѣданія, твердо помня, что все это оскорбляетъ и насилуетъ свободную совѣсть человѣка. Конечно мы не отвергаемъ пути законнаго и единственнаго въ этомъ отношеніи—пути убѣжденія разумными доводами, свободы полемики и критики религіозныхъ ученій, но повторяемъ, что ораторамъ, выступающимъ на народныхъ митингахъ по вопросу о свободѣ совѣсти и вѣроисповѣданія необходимо самимъ себѣ твердо уяснить сущность свободы совѣсти, какъ акта свободной личности и держаться принциповъ справедливости и безпристрастія. Фанатизмъ, слѣпая и безусловная преданность одной какой нибудь идеѣ въ ущербъ всѣмъ другимъ, одинаково приводятъ къ безчеловѣчной и безнравственной политикѣ, возникаетъ ли фанатизмъ на почвѣ религіи, или на почвѣ ея отрицанія.

Законоуч. кл. гимн. свящ. Григ. Пурпуровъ.

Ближе другъ къ другу.

Вихрь политическаго переворота опрокинулъ все, что считалось навѣки неизмѣнимымъ. Громады условныхъ формъ жизни и привычныхъ понятій отброшены долой... Забилась, забурилась, клокочетъ новая жизнь, и въ ея стремительномъ потокѣ уносятся во тьму забвенія со страницы старой государственной исторіи цѣлыя главы. Горюливо, льхорадочно нервно взамѣнъ ихъ пишутся новыя страницы...

Все поставлено подъ безошадный контроль и судъ. Жутко смотрѣть вокругъ себя. Особенно жутко за церковь и ея судьбу. Вѣруемъ непоколебимо, что врата ада не одолѣютъ ея. Но знаемъ, что ея удѣлъ—скорби и испытанія. „Въ мѣръ скорби будете“... Готовы къ скорби. И не скорби страшатъ... Въ минуты глубокой тревоги и смятенія души, оглядываясь по сторонамъ, хочешь почувствовать въ своей рукѣ дружескую руку, увидѣть ободряющую улыбку, услышать теплый привѣтъ... Но лицомъ къ лицу съ взбудораженной жизнью чувствуешь: мы застигнуты врасплохъ, и нѣтъ помогающаго... Со всѣхъ сторонъ